

Дононбаева Г.А.

ИНСТИТУТ «НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО» В ОРБИТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (методология анализа)

G.A. Dononbaeva

«NATION- STATE» INSTITUTION IN THE FIELD OF INTERETHNIC RELATIONS (analysis methodology)

Историческая эволюция государства, его типов и форм представляет собой весьма сложную, «зигзагообразную» картину. Государство, изменяясь и развиваясь в историческом времени и пространстве, в каждый данный момент своего бытия пребывает в некоей точке определенного качественного состояния. В данном контексте можно выделить несколько таких состояний: 1) «государство в себе»; 2) «государство для себя»; 3) «государство для одних»; 4) «государство для всех». Каждому этому состоянию соответствует своя историческая форма и тип государства. Причем речь идет не о главной функции, которую выполняет с тем или иным успехом любое государство - обеспечение порядка и целостности в стране и обществе. А о специфической роли конкретно-исторического государства, связанного с выражением и защитой интересов каких-либо общностей.

«Государство в себе» – это еще не выделившееся, не определившееся «государство-этнос». Яркий пример «государства-этнуса» представляют древняя Ассирийская, средневековые Кыпчакская и Монгольская державы. Эта были государства, где власть олицетворялась целым народом – ассирийцами, кыпчаками, монголами.

«Государство для себя» – это «государство-бюрократия», типичными примерами которого являются так называемые деспотические и тоталитарные политические системы. «Государство-бюрократия» живет для себя. Нельзя путать «государство-бюрократию» с государственной бюрократией, без которой вообще немислимо государственное управление и у которой, разумеется, есть свои особые «корпоративные» интересы.

«Государство для одних» – это «государство-класс», т.е. государство, отражающее интересы отдельных классов. Были и есть: «рабовладельческое государство», «феодалное государство», «дворянское государство», «буржуазное государство» и т.д.

«Государство для всех» - это «государство-нация». Возникновение и становление «государств-наций» - важнейший, качественный поворот в историческом процессе. Появляется государство, которое работает не ради себя и для одних, в ущерб другим, а во имя народа. Причем эту роль оно берет на себя лишь в процессе длительной своей эволюции. Нужно было пройти

через самый сложный этап классового противостояния, прежде чем пришло осознание своей истинной роли как «государства-нации».

С начала 90-х годов XX столетия, как и другие страны СНГ, наша республика Кыргызстан вступила в новую историческую полосу созидания демократического государства и рыночной экономики. На праздновании 10-летия со дня образования суверенной Кыргызской Республики было отмечено, что мы на пути строительства своего национального государства. В жизни создаваемого государства 10 прошедших лет предстает как краткое мгновение. Но в жизни людей, создающих это государство, 10 лет является поистине целой эпохой. Государства подобны людям. У них также складываются свои судьбы. Счастливые и несчастные, долгие и короткие. Так же как и люди, они рождаются, проживают свою жизнь, и в конце концов умирают. В таком измерении в истории Кыргызстана, как впереди уже говорилось, было лишь два судьбоносных момента. В прошлом лишь однажды судьба нам подарила свою государственность.

На обширных просторах Центральной Азии в IX-X вв. складывается и развивается мощное государство, которое в соответствии с духом того времени получает гордое название – «Кыргызское великодержавие». Сейчас трудно с достоверностью поведать о том, какие жизненные трагические обстоятельства сломили его и привели к гибели. С тех пор пролетело много веков, но когда-то обретенное государство вновь не восстанавливалось. И тогда, где-то в глубинах ушедших веков рождается мечта, воплотившаяся в эпосе «Манас». Сказитель создал удивительный мир на грани реального и фантастического. Весь духовный строй эпоса пронизывался одной идеей – единство народа. В мечте о несокрушимом единстве народа искрилась глубокая надежда когда-нибудь в будущем обрести вновь свою государственность.

И вот теперь на изломе XX и XXI веков наконец-то мечта стала явью. Кыргызстан имеет свою суверенную государственность. Народ, обретший свое государство, поистине счастлив. Несмотря на неисчислимые невзгоды и трудности. В государство он обретает созидательное организующее и цивилизующее начало. Как яркая звезда, оно светит в человеческом мироздании. Оно может быть и

малым по своим размерам. Но это все равно самостоятельная величина. Его видят, с ним считаются и признают. Разумеется, можно понять, что радость обретения своей государственности омрачается тем горьким обстоятельством, что пусть весьма не богатая, но стабильная жизнь, завоеванная в прошлом советскими людьми, с распадом СССР, в одночасье рухнула. Драматичный ход истории привел к тому, что обретая одно, мы теряем другое. Однако мы должны правильно оценить, что мы потеряли и что обрели. Да, мы потеряли великую державу – Советский Союз – гордость нескольких поколений советских людей. Наряду с этим мы избавились от иллюзий, что идя тем путем, который прокладывала огромная страна, мы смогли бы достичь достойного существования и благополучного процветания. Стержень государства был иной. Люди существовали для государства, а не государство для людей.

Следовательно, Кыргызстан, в числе других стран СНГ только начинают свой путь строительства «государств-наций». Хотя очевидно, что здесь нет столбовой дороги, прямо ведущей к указанной цели. Вполне возможно, что исторические обстоятельства могут повернуть ту или иную страну на уже пройденный многими путь «государства-класса». Страны Европы фактически завершили развитие по пути «государств-наций» и достигли точки «государства для всех». «Государство для всех» - это по сути то, что сейчас обозначают как «государство благоденствия» (Welfare State). Оно является процессом и итогом развития «нации-государства».

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что в современной политологической литературе проводится концептуальное разграничение между двумя значениями понятия «нации-государства»: **гражданским и этническим**. Рассматриваемое в контексте первого значения национальное государство, как подтверждает исторический опыт, решает задачу консолидации общества. Ранее разрозненный народ постепенно, конечно, не в короткие десятилетия, а в течение долгих столетий, спланивался в единую **гражданскую нацию**. Данный процесс осуществлялся по трем направлениям. Во-первых, разнообразные этнические, конфессиональные, социальные и профессиональные группы объединялись в сплоченную гражданскую общность. Во-вторых, на основе экономического прогресса преодолевалась социальная дифференциация общества. В-третьих, несмотря на плюралистическую разнородность борющихся между собой групп и интересов, достигалось идейно-политическое единство общества по жизненно важным вопросам. Разумеется, становление «нации-государства» в реальном своем воплощении представляет собой исторически длительный

процесс. Вместе с тем данный процесс является концептуальным выражением *институционализации национального государства* как политической реальности.

Однако современная реальность, как выясняется, представляет собой гораздо более сложную картину. XIX в., а также первая половина XX в., характеризовались «взрывом» национально-освободительных движений, направленных против колониализма и ориентированных на создание суверенного государства. В 50-60 гг. XX столетия, казалось, это «вулканическое извержение» успокоилось и даже как будто перешло в состояние стабильности. Во многих работах, изданных до 1970-х годов, в которых анализировался феномен «нации-государства», *роль этнического фактора в политике* практически не учитывалась. И действительно, ведущие демократии руководствовались либеральным принципом этнокультурного нейтралитета государства, исходившим из абсолютного приоритета прав и свобод индивида (личности) над правами социальной группы (коллектива). Этот принцип и, соответственно, подход к решению этнических проблем, были закреплены в основополагающих международных документах – Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и др. Данный подход подразумевал, что при верном, т.е. демократическом, устройстве политической системы любой индивид быстро «освободится» от негражданских «пут», а иммигрантские группы, этнические и другие меньшинства постепенно растворятся в единой *гражданской нации*.

Но конец XX и начало XXI вв. показывали, что мы являемся современниками и свидетелями своеобразного **«ренессанса» этносепаратизма и национализма**. Мировая практика свидетельствует, что этносепаратизм и национализм – это «братья-близнецы». Этносепаратизм отчуждает народы друг от друга. Когда обособление принимает абсолютные формы, отмечают исследователи, тогда и наступает полоса этноцентризма. «Важнейшим свойством и единственным этноразличительным элементом в этнопсихологии, - пишет С.И.Королев, - является представление «этноса» о своей исключительности, основанная на осознанной необходимости сохранения этнической обособленности».

В настоящее время все чаще говорят о *«бунтующей этничности»*. Национализм, являясь логическим продолжением этносепаратизма, превращается *из национального в националистический фактор*. Он стремится реализовать принцип право наций на самоопределение путем раздела существующего государства и организации собственного. Это *вторая*, противостоящая *первой*, функция, естественно, разобщает и разрушает

консолидирующееся полиэтническое сообщество в рамках «нации-государства».

Сегодня, отмечают исследователи, в нациях-государствах в условиях либерализации миграционного законодательства вновь появляются многочисленные сообщества мигрантов с присущими им этническими особенностями. С подобной проблемой раньше других столкнулась Западная Европа, которую многие считали сообществом вполне сформировавшихся однородных наций. После того, как на всеобщих выборах в октябре 1974 г. Шотландская национальная партия получила в Шотландии 30% голосов избирателей, стало очевидно, что у британской нации есть заботы и помимо Северной Ирландии [1]. Создание парламента в Шотландии и Национальной ассамблеи в Уэльсе (1997-1999 гг.) явилось следствием общего процесса этнонационального пробуждения. Сходная ситуация сложилась в Испании, Бельгии и в некоторых других европейских странах. Положение усугублялось массовой миграцией, в результате которой «все страны Европы, по своему желанию или нет, стали странами иммигрантов»[2] Драматические события, связанные с распадом СССР и Югославии, а также разделом Чехословакии еще более наглядно продемонстрировали опасность дальнейшего пренебрежения **этническим фактором в политике**[3].

Несмотря на первоначальные «скромные» показатели, борьба за права этнических общностей (меньшинств) превратилась в значимый, хотя иногда и болезненно воспринимаемый, фактор современности. В 1991 г. ОБСЕ вслед за Канадой и США, приняла базовые документы о правах европейских национальных (этнических) меньшинств. В 1992 г. была учреждена должность Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств и принята Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств, а в 1995 г. – Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств. О выработке своих стандартов прав меньшинств объявила также Межамериканская комиссия по правам человека.

С начала 1970-х годов Канада, а затем и США, Австралия и некоторые другие государства пошли по пути утверждения принципа **мультикультурализма** в качестве основы своей политики. Подчеркнем, для США это фактически означало признание провала прежней **ассимиляционной политики «плавильного тигля»**. Политика **мультикультурализма** была призвана обеспечить *не только индивидам, но и их объединениям* возможность сохранения своих культурных особенностей, поддерживая тем самым определенный баланс между коллективными и индивидуальными правами.

Сегодня многие зарубежные теоретики и практики рассматривают принцип **мультикультурализма** как наиболее адекватный ответ на вызовы этнического сепаратизма и этнонационализма [4]. В этой связи Р.Поул подчеркивает, что «мультикультурализм уже проявил себя как значительное политическое явление во всех либерально-демократических странах, и политические философы пришли к нелегкому признанию факта его существования...»[5]

Таким образом, как свидетельствует реальная практика, современный процесс глобализации, приводит не к исчезновению, а к новому восходу локальных идентичностей, культур, общностей, к нарастающей фрагментации и плюрализации общества. В Европе общности, ранее якобы интегрированные в национальные государства, сегодня выступают за свою обособленность, автономию и т.д. Принцип «плавильного котла», где разные расы, этносы, языковые группы исчезают, и появляется некая интегрирующая их идентичность, сегодня не работает ни в США, ни в Западной Европе [6].

Европейский опыт доказывает, что принимающее государство в состоянии интегрировать и даже ассимилировать прибывающих в страну мигрантов, если их совокупная численность не превышает 10% населяющих ту или иную территорию жителей (село, город, район, регион, страна). Кроме этого, должен быть преодолён и анклавный образ жизни общин иммигрантов: общины носят закрытый, защитный характер, а потому становятся барьером на пути интеграции в местные общества прибывающих мусульман в качестве отдельных, самостоятельных индивидов [7].

В подобных условиях если не единственно возможной, то вполне естественной формой социальной адаптации становится формирование замкнутых общин трайбалистского характера. Опыт показывает, что такого рода общины в абсолютном своем большинстве этнически однородны и формируются они как кланово-клиентальные ассоциации. При этом клан, чье ядро образует круг непотистских связей, специализируется на том или ином виде деятельности, социально значимом для мигрантской общины в целом [8].

В отличие от долгих средних веков, когда процесс формирования и становления этнических общностей носил еще лишь «первичный характер», так сказать, еще не освобожденный от диффузии родо-племенной «фрагментации», в течение Нового и новейшего времени мы видим картину постоянной «кристаллизации», «затвердения» стержневых черт этносоциальных общностей. Идет процесс «институционализации» этнических структур. Возник и сложился институциональный организм этносов.

В определенной мере этническая структура перешла от состояния стабилизации к состоянию консервации. Поэтому «фрагментация», «ломка» и последующая интеграция этнических структур предстает как мучительный и долгий процесс.

Следовательно, исторический контекст становления *гражданской нации* оказывается иным, нежели *этнической нации*. В реально-историческом и концептуально-методологическом плане между ними нужно проводить четкую границу. Таким образом, существуют, по крайней мере, два значения понятия «нация-государство». Во-первых, связанное с политической концепцией нации и означающее правовое государство, опирающееся на гражданское общество, нацеленное на поддержание законности, порядка и равенства людей перед общим для всех законом. В данном случае речь идет о либерально-демократической трактовке «нации-государства», в которой идея прав человека и общенациональных целей доминирует над этнической и социальной принадлежностью и заменяет ее. Во-вторых, в концептуальную основу «нации-государства» кладется идея об этнических общностях, образующих многонациональное государство. Однако многоэтническое государство исторически предстает уязвимым в плане внутренней консолидации. Этническое самосознание очень часто тяготеет к национальному самоопределению путем образования собственного государства. Снятие внутренних перегородок и стабильное состояние внешних границ - это органичная черта «нации-государства», в которой расплывчатость, переменчивость внутренних перегородок сочетается с неизбежностью внешних рубежей.

На первый взгляд, происходящая на наших глазах глобализация предстает отрицанием национального государства. В мире глобальных норм, ценностей, структур, институтов ему грозит вымирание. Оно плохо приспособлено к современной жизни. С одной стороны, существующие государства слишком малы, чтобы успешно действовать в глобальной экономике. С другой стороны, они слишком велики, чтобы сохранять нормальный контакт с повседневной жизнью людей. Невольно закрадывается мысль, что национальное государство как особый продукт Нового времени вскоре должно отойти в историю. Странно, но государства не пытаются сойти со сцены. Они не только приспосабливаются к новым условиям, но и саму глобализацию стремятся приспособить к своим интересам.

На рубеже XX и XXI веков быстро углубляется раскол правовых основ миропорядка. С одной стороны, никто не отменял традиционный принцип суверенитета государств, на котором строились системы международных

отношений в течение столетий. Они были и остаются отношениями взаимопризнанных государств-суверенов, обладающих всей полнотой прав и полномочий внутри установленных границ. Фундаментальная категория государственного суверенитета положена в основу Устава ООН – важнейшего источника современного международного права. С другой стороны, все сильнее становится тенденция признания прав человека как основополагающего принципа, в том числе и в международных отношениях. Пока она сфокусирована на защите личности от произвола со стороны «своего» государства, но в дальнейшем может стать конституирующей основой всеобъемлющего правового регулирования в глобализирующемся мире. Демократизация государств, равно как и демократические перемены в сфере международных отношений, определяются отнюдь не нормативными требованиями, хотя именно так они нередко и трактуются, но вполне прагматическими соображениями, которые, в конечном счете опосредованно, с помощью череды «половинчатых» решений позволяют накапливать возможности регулирования политических процессов, что, в свою очередь, ведет к повышению управляемости развитием, к обеспечению его «sustainability» «поддержки-ваемости».

Строго говоря, суверенитет был весьма «размыт» уже четыре столетия тому назад. Он стал еще более «размытым» в наши дни. Однако подобная «размытость» касается не столько самого суверенитета, сколько ходячих представлений о нем. Суверенитет можно определить как системную характеристику (со) существования государств и их сред(ы) в условиях модернизации, формирования сети множественных властных авторитетов, их признания друг другом, актуализации властных функций и последующего (рефлексивного) их делегирования на другие уровни. То, что обычно подразумевают под кризисом суверенитета, скорее следует интерпретировать как кризис особого типа государства. Их можно охарактеризовать как избыточные, перегруженные социальными, экономическими, культурными и прочими функциями, несвойственными государству по природе, а главное – интегрирующие не только граждан как *подданных*, но также *домохозяйства, корпорации, локальные и региональные политики и т.п.* Одним из проявлений глобализации стала «разгрузка» государств, переход от избыточности к их нормальному функционированию как инструментов поддержания правопорядка в рамках национальных территорий и за их пределами.

Последние годы отмечены появлением парадоксальных на первый взгляд аналогий

между нынешним положением и способами организации власти, характерными для времен европейского Возрождения. И в политической практике, и в ее научном осмыслении произошло своего рода возвращение проблематики Раннего Модерна - на новом, естественно, «витке спирали», на качественно более сложном уровне политических взаимодействий и организации. В духе концепций государственного строительства, выдвинутых Стейном Рокканом, Чарльзом Тилли и их коллегами, можно было бы представить следующую схему политического развития в Новое время. Кризис изощренной системы феодальных договорных отношений в Западной Европе приводит к появлению целого спектра альтернативных форм властвования – от центров империализации и городов-государств до корпораций (орденские политии, компании кушцов-авантюристов и т.п.) и внегосударственных центров власти (наемнических армий, пиратских флотилий и т.п.). Появление среди этого спектра территориальных политий с монопольным центром власти внутри каждой было принципиальным новшеством. А после того, как эти политии усвоили уроки своих основных конкурентов (союзов городов-государств), они сами создали подобие союза – так называемую Вестфальскую систему. Ее создание превратило территориальные политии в государства, а изолированные территориальные *созеренитеты* – в европейскую систему государственного суверенитета.

В условиях современного «дробления», точнее диверсификации власти вообще, а государственной власти в особенности, происходит увеличение общего количества государств, в том числе в связи с «самороспуском» некоторых крупных государственных образований. Вследствие роста терроризма, «освободительной борьбы» и появления разного рода частных структур принуждения (охранные фирмы, сыскные бюро и т.п.) повышается опасность подрыва суверенитета и дестабилизации мирового сообщества, основанного на системе взаимопризнаний и гарантий суверенных территориальных государств.

Именно в таких исторических условиях своевременным является *выдвижение президентом Кыргызской Республики К.С.Бакиевым идеи нации*. История повествует, что идея нации отвергает все внутренние границы и перегородки в государстве, содержит в себе презумпцию равенства, одинаковости шансов для всех граждан независимо от происхождения, цвета кожи и глаз, вероисповедания и т.п. И она предполагает намного большую внутреннюю сплоченность населения государства, т.е. национальную консолидацию. Важнейший признак нации – это ее неделимость. Именно рождение и созревание наций придает новый

статус государственно-территориальным границам. Полное отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ – таков принцип «нации-государства».

Основой «нации-государства» становится формирование двух факторов: *консолидированного национального рынка и сплоченного национального самосознания*. Пожалуй, здесь мы видим начальную фазу совпадения интересов гражданского общества и государства. Возникает тот исторический мотив развития страны, который получит емкое название «национального интереса». По историческим меркам очень медленно, но все же приходит осознание того, что государство должно защищать общие интересы всей нации. Собственный интерес государства есть как раз-то должным образом выраженный национальный интерес. В свою очередь, национальный интерес воплощается в реальность лишь только тогда, когда органично сопрягаются в едином пространстве «человеческий» и государственный» факторы общественной жизни.

Роль национальных интересов в развитии общества и государства неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент Казахстана Н.Назарбаев. К этой же теме в начале нового 2009 г. обратился и президент Кыргызстана К.Бакиев. Он выделяет шесть приоритетов в этой сфере. И первым среди них – территориальную целостность страны. Лишь единство, сплоченность нации выступает могучим гарантом целостности страны. В этой связи приходят на память бессмертные строки эпоса «Манас»:

«Курама курап журт кылдым,
Кулаалы таптап куш кылдым!»
«Сплотил разделенный род я в единый народ,
Государства соколиные крылья ему дал».

Этнонациональные группы в Кыргызстане постепенно начинают ощущать свою консолидированную гражданскую общность. Это, очень осторожно выражаясь, показывает лишь то, что как Кыргызстане идет процесс формирования из различных этнонациональных групп первичных контуров единой гражданской нации. Разумеется, становление гражданской нации даже при всех благоприятных обстоятельствах займет по времени жизнь ряда поколений. И, конечно же, данный процесс должен направляться и регулироваться государством. В таком контексте измерения *национальная государственность*, действительно, является ключевым понятием *«стратегии нынешнего пути»*.

Литература:

1. Birch A.H. Reflection on Ethnic Politics – Cairns A., Courtney J., MacKinnon P., Michelmann H., Smith D. (eds.) Citizenship, Diversity and Pluralism. Canadian

- and Comparative Perspectives. MacGill-Queen's University Press. - P.59-60.
2. Weil P. Nationalities and Citizenship: the Lessons of French Experience for Germany and Europe. – Caesarani D., Fullbrook M. (EDS.) Citizenship, Nationality and Migration in Europe. – L. Routledge, 1996, P.82.
 3. Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе. // Полис. – 2007. - № 6.
 4. Kumlicka W. Politics in Vernacular. Nationalism, Multiculturalism AND Citizenship. Oxford University Press, 2001.
 5. Pooke R. Nation and Identity.- L. N.Y. Routledge, 1999. – P.3.
 6. См.: Добаев И.П. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: общее и особенное // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Аналитический альманах. Под редакцией Е.М.Кожокина. М., 2006. Вып.17. С.80.
 7. Проблемы «анлавизации» основательно исследованы Ю.Е.Миловановым. См.: Ю.Е.Милованов. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского регионаб содержание процесса и проблемы исследования. / Насилие в современной России. Тезисы докладов научной конференции. Ростов-на-Дону. 1999.
 8. Добаев И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? – МЭМО, 2008, №4, С.50-51.

Рецензент: д.полит.н., профессор Жоробеков Ж.Ж.
